

Lettre en russe à Émile Zola

Les folios

En passant la souris sur une vignette, le titre de l'image apparaît.

3 Fichier(s)

Relations

Ce document n'a pas de relation indiquée avec un autre document du projet.□

Citer cette page

Lettre en russe à Émile Zola

Centre d'Étude sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle).

Consulté le 12/02/2026 sur la plate-forme EMAN :

<https://eman-archives.org/CorrespondanceZola/items/show/7205>

Copier

Informations éditoriales

Éditeur de la fiche Centre d'Étude sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle).

Mentions légales

- Fiche : Centre d'Études sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle). Licence Creative Commons Attribution - Partage à l'Identique 3.0 (CC BY-SA 3.0 FR).
- Image : Document reproduit avec l'aimable autorisation des ayants droit d'Émile Zola. Toute reproduction du document est interdite sans autorisation des ayants droit. Les demandes peuvent se faire à l'aide du formulaire de contact.

Notice créée par [Jean-Sébastien Macke](#) Notice créée le 09/10/2019 Dernière modification le 21/08/2020

Февраля 7го 1898 года Бердямскъ

Аного Уважательный и несколько дорожает
для всего цивилизованнаго Мира человекъ
Справедливый Господинъ

Вашъ Зоя въ Парижѣ

Ваше письмо прочелъ
и очень доволенъ

Прочитавъ при всей вѣрности изъ газетъ
гдѣ помѣщена заключеніе нашего мнѣнія
добросовѣстнаго Судебнаго Дѣятеля Крима
Сенатора Закревскій по поводу злостнаго
и процесса Дрейфуса. При всей прис-
вакупилъ что я вполне увѣренъ что
все переданная люди Катаре нахвосты
въ Россіи (считаю Вашъ нумеръ заставилъ
что таковыя у насъ не мало) Все мы
согласны съ мнѣніемъ Гна Закревскаго
Мнѣ очень интересно получить ли Вы
сѣ приложеніе и перевести въчеревку
на французскій языкъ, и поместить ли
такую въ французскихъ Газетахъ. Про-
щайте отвѣтомъ Мой Адресъ
Бердямскъ Пав. Губ Леону Энгелю

С почтеніемъ и преданностью къ Вамъ Леонъ Энгель.

судили во мракъ,—никто до сихъ поръ не знаетъ, какіе обстоятельства и мотивы положены были въ основаніе обвинительнаго и оправдательнаго приговоровъ. Благодаря этому мракъ, осталось не опровергнутымъ чудовищное заявленіе, что Дрейфусъ былъ осужденъ на основаніи доказательствъ, не предъявленныхъ при судебномъ слѣдствіи, показанныхъ судьямъ только въ совѣщательной комнатѣ, когда подсудимый уже не могъ представить никакихъ опроверженій. Если это такъ было,—а, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, генералъ Мерсье въ томъ сознался,—то судъ надъ Дрейфусомъ не былъ судомъ, а застѣнкомъ, воспроизведеніемъ испанской инквизиціи. Если, въ дѣйствительности, было допущено подобное вопиющее нарушеніе всякихъ формъ процесса, то хотя бы не только бывшій военный министръ Вилю поклялся на трибунѣ, что онъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса, но если бы всѣ министры Франціи принесли такую же клятву,—что всѣ они въ совокупности и каждый въ отдѣльности въ томъ же убѣждены,—тѣмъ не менѣе, оставалось бы только пригласить этихъ министровъ посыпать головы свои пепломъ, ибо ни одно уважающее себя правительство не должно допускать такихъ безобразій. Никакіе крики о «честь арміи» не въ силахъ заглушить голоса людей, которымъ дороги начала правосудія, такъ какъ безъ нихъ ни одинъ цивилизованный народъ жить не можетъ.

Г. Закревскій далѣе указываетъ на то, что не было надобности закрывать двери засѣданія даже по политическимъ соображеніямъ, если уже находили нужнымъ дѣло о шпіонствѣ передать на разсмотрѣніе суда.

Когда вы идете въ судъ, когда вы отводите туда подчиненнаго вашему, взводя на него тяжкое обвиненіе, требуя для него строгаго, на основаніи закона, наказанія, то являетесь же съ опрятными средствами,—съ доказательствами, не боящимися свѣта, дѣйствуйте способами, дозволенными законамъ цивилизованнаго міра, въ особенности, не шепчитесь съ судьями, не совращайте ихъ вашими «агентурными свѣдѣніями». Все это, кажется, было нарушено въ дѣлѣ Дрейфуса, да къ тому еще—судъ офицерскій, военный, особенно склонный къ патріотическимъ увлеченіямъ, приходищій въ восторгъ при возгласахъ о «честь мундира»—изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства, а всякія такія изъятія никогда не вселяли въ себѣ особеннаго довѣрія. Въ Англіи, наиримѣрь, когда военный судъ приговоритъ подсудимаго къ тяжкому наказанію, то хотя такой приговоръ и окончательный, и не подлежитъ обжалованію, но, въ случаѣ просьбы подсудимаго о помилованіи, по существующей практикѣ, все производство отсылается распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе коллегіи изъ двѣнадцати гражданскихъ судей, которые и даютъ свое заключеніе.

Дѣло Дрейфусъ-Эстергази останется памятнымъ тѣмъ,

что оно, съ одной стороны, вызвало протестъ во имя высшихъ интересовъ правосудія противъ исключительныхъ судовъ, противъ бряцанія оружіемъ въ такой области, гдѣ должна царствовать одна Оемида, противъ тайнаго, инквизиціоннаго суда, противъ нарушенія существенныхъ формъ судопроизводства подѣломъ соблюденія политическаго приличія, а съ другой стороны—упомянутое дѣло доказало, какіе грубые инстинкты еще кроются въ народѣ, причисляющемъ себя къ числу самыхъ образованныхъ, и какъ легко среди современной цивилизаціи вызвать не только въ массахъ, но и въ среднихъ слояхъ общества проявленіе звѣрскихъ страстей.

НАША ПЕЧАТЬ

Извѣстный юристъ и судебный дѣятель сенаторъ Закревскій подробно разсматриваетъ въ «Юрид. Газ.» дѣло Дрейфуса-Эстергази исключительно съ юридической стороны.

Дѣло это, говоритъ онъ,—особенно любопытно для юриста, такъ какъ оно съ поразительною наглядностью подтверждаетъ, какъ опасно гдѣ либо, когда-либо и подъ какими-либо предлогами отступать отъ коренныхъ началъ правосудія, примѣшивать къ дѣлу суда политическіе вопросы и не соблюдать существенныхъ обрядовъ судопроизводства.

Указавъ на чисто національныя свойства французской націи, примѣшавшіяся къ разбору настоящаго дѣла, г. Закревскій замѣчаетъ:

Однако, то, что особенно ново и печально въ послѣднихъ событіяхъ, совершившихся во Франціи, это—звѣрское проявленіе, такъ называемаго, антисемитизма.

Кто могъ бы подумать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двадцать, тридцать лѣтъ, что на французской землѣ, которая родила Вольтера и сыны которой гордятся тѣмъ, что они первые торжественно признали предъ міромъ, что всѣмъ людямъ, независимо отъ происхожденія и отъ убѣжденій, отъ племени и отъ религіи, принадлежать одни и тѣ же человѣческія права,—что тамъ, въ этой скептической и свободной Франціи, раздадутся дикіе крики: «жидъ, жидъ, ату его! бей жидовъ!... Пусть бы это дѣлалось въ другихъ об-

ществахъ, не имѣющихъ такого прошедшаго, какъ французское. Но Франція стыдно проявлять подобные признаки зоологическаго регресса.

Послѣ благо историческаго обзора пресловутаго «двойного» дѣла г. Закревскій говорить:

Правительство выступило противъ Эстергази неохотно, какъ бы по принужденію, не скрывая отчасти предвзятаго взгляда своего, что офицеры, судившіе Дрейфуса, не могли допустить судебной ошибки, и что агитація, направленная къ восстановленію его добраго имени, ничто иное, какъ недобросовѣстная продѣлка, во главѣ которой стоитъ компанія евреевъ.

Военные кружки отнеслись сочувственно къ подобному направленію. Заговорили о «честь арміи», ни въ чемъ тутъ непричастной. Дѣло сразу сошло съ юридическаго пути; вмѣсто спокойнаго, безстрастнаго разбора жгучаго вопроса—не наказанъ ли невинный, кто бы онъ ни былъ, еврей или христіанинъ, и какимъ бы судомъ ни былъ осужденъ онъ, военнымъ или гражданскимъ?—вмѣсто торжественнаго слова правосудія раздались голоса страсти и ненависти. Дѣло опустилось въ омутъ необузданной газетной брани, уличныхъ схватокъ, парламентскаго бокса. Послышались крики: «да здравствуетъ армія, бей жида!»...

Не отрицая того, что въ вопросѣ о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса французскимъ правительствомъ была соблюдена формальная сторона, тѣмъ не менѣе, г. Закревскій указываетъ на то, что

постоянно замѣчалась предубѣжденность его взгляда, выразившагося въ томъ, что оно допустило внести въ дѣло вполнѣ судебного свойства такой посторонній, все запутавшій политическій элементъ, какъ вопросъ о «честь арміи», которая, конечно, страдаетъ отъ того, когда въ рядахъ начальствующихъ въ ней лицъ оказывается множество политикановъ и интригановъ и обнаруживается между ними болѣе козней чѣмъ уваженія къ дисциплинѣ. Но, г-нъ Закревскій, эта честь ни малѣйше не была бы затронута, если бы, дѣйствительно, было установлено, что военный судъ ошибся по несоблюденію ли извѣстныхъ формъ процесса, по подложности ли представленныхъ ему доказательствъ, или, вообще, потому, что ни одному изъ людей или изъ человѣческихъ учреждений не свойственна непогрѣшимость.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на стремленіе французскаго правительства поступать сдержанно и корректно, впечатлѣніе изъ всего дѣла получилось самое тяжелое.

Общественная совѣсть, по крайней мѣрѣ, насколько она выражается не уличными крикунами и любителями парламентскихъ кулачныхъ боевъ, а спокойными и просвѣщенными людьми, осталась совершенно неудовлетворенною. Многіе изъ этихъ людей вынесли такое чувство изъ всего происшедшаго, какъ будто допущено величайшее беззаконіе. Формы и формальные поводы къ пересмотру отошли на задній планъ. Заговорило живое человѣческое и гражданское чувство. Отсюда хлесткій и забористый протестъ Золя и многихъ лицъ, къ нему присоединившихся. Отсюда выраженіе сочувствія, предметомъ котораго сталъ французскій романистъ со стороны многихъ иностранцевъ, такъ какъ дѣло Дрейфуса-Эстергази перешло за границы Франціи и заинтересовало весь образованный міръ. Достаточно указать на огромное число журнальных и газетныхъ статей, написанныхъ объ этомъ дѣлѣ на всѣхъ языкахъ.

Особенный интересъ разсматриваемаго дѣла, по мнѣнію г. Закревскаго, заключается въ томъ, что оно знаменуетъ собою полный